

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXII

Buenos Aires, 3 de noviembre de 1970

Буэнос Айрес, вторник 3 ноября 1970 года № 1080

автокефалия

Русская Православная Церковь за рубежом сделала последнюю попытку предостеречь бывшую русскую митрополию в Северной Америке от ее канонически незаконного и политически опрочечного и опасного превращения в автокефальную православную Церковь в Америке.

Делегация Архидиоцезиса Синода зарубежной Церкви в составе епископа Лавра и протопресвитера Георгия Граббе выехала из Нью Йорка в Св. Тихоновский монастырь в Пеннсилвании, где собрался 14-й Всеамериканский Собор митрополии, для передачи этому Собору обращения первоиерарха зарубежной Церкви митрополита Филарета к епископам, клирикам и мирянам, участникам упомянутого Собора.

Решение зарубежной Церкви сделать этот шаг было сообщено представителям русской зарубежной, американской и иностранной печати во время состоявшейся в здании Синода в Нью Йорке пресс-конференции.

Эта пресс-конференция была открыта коротким словом митрополита Филарета, сказавшего, что русская зарубежная Церковь никогда не считала и не считает себя Церковью канонически независимой. Она была и остается свободной частью несвободной русской православной Церкви, которую воздвигнутое безбожной властью гонение заставило уйти в катакомбы. Зарубежная Церковь не считает московскую патриархию законной представительницей русской Церкви вследствие ее зависимости от советской власти. Постановления патриархии не будут признаны будущей свободной русской Церковью, в частности не будет его признано и предоставление автокефалии русской митрополии в Северной Америке. Поэтому зарубежная Церковь считает нужным предостеречь митрополию и еще раз призвать ее к отказу от соглашения с Москвой и к восстановлению существовавшей до 1946 года ее связи с зарубежной Церковью.

Затем протопресвитер Г. Граббе сообщил решение митрополита Филарета обратиться к Собору митрополии с предостережением, в котором, между прочим, сказано, что почин предоставления автокефалии русской митрополии в Северной Америке исходил от Москвы, а автокефалия была предложена митрополии представителем московской патриархии, митрополитом Никодимом, известным своей тесной связью с советскими учреждениями. Принятие автокефалии от Москвы поднимает престиж патриархии в свободном мире и этим способствует успеху советской пропаганды в этом мире. Вселенский патриарх Афинагор и большинство поместных православных Церквей автокефалии не признали.

В заключение пресс-конференции адвокат Виллиам Ранд ознакомил собравшихся представителей печати с некоторыми подробностями судебного спора, возникшего между присоединившимся к зарубежной Церкви большинством прихожан храма во имя Казанской иконы Божией Матери в Си Клиффе, в штате Нью Йорк, с одной стороны, и оставшимся в составе митрополии меньшинством этих прихожан и самой митрополией, с другой.

«Наша Страна» получила текст обращения митрополита Филарета к соборным епископам, клирикам и мирянам митрополии в Св. Тихоновском монастыре. Этот текст будет напечатан в следующем номере газеты.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

409. НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА. — СМЕРТЬ СОВЕТСКОГО ШПИОНА. — НОВОСТИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ. — НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ СОВЕТСКОГО АЭРОПИРАТСТВА. — СОБЫТИЯ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Восьмого октября Шведская Академия Наук присудила Нобелевскую премию по литературе Александру Солженицыну. Это новое признание русского гения в области литературы! Советские страпы не позволили в 1958 году Б. Л. Пастернаку получить присужденную ему премию, затем торжествовали в 1965 году при получении премии М. А. Шолоховым, но теперь снова проявляют свое бесстыдное бешенство при новом признании гениальности пишущего по-русски коренного русского человека, носителя лучших идеалов нашей родной литературы.

«Известия» от 9-го октября помещают протест Секретариата Союза Писателей СССР: «сочинения этого литератора, нелегально вывезенные за рубеж и опубликованные там, давно используются реакционными кругами в антисоветских целях... поэтому его исключили из рядов своего Союза... это решение активно поддержано всей общественностью страны... Нобелевский Комитет обвиняется в том, что «дал себя вовлечь в недостойную игру... продиктованную спекулятивными политическими соображениями».

Однако уже известно, что 75 подсоветских писателей (из которых знаем лишь имя Петра Якира) приветствовали решение Шведской Академии, о чем сообщили телеграммой. Сам Солженицын благодарил Комитет по премиям за честь, сообщая, что принимает премию и го-

тов выехать в Стокгольм: здоров и путешествие не повредит здоровью. Добавил, что приедет, если это «позволят обстоятельства».

В связи с присуждением премии западная печать сообщает много деталей его биографии: родился в Кисловодске 11-го декабря 1918 года, окончил математический факультет в Ростове. Весной 1941 года добровольцем отправился на фронт, дослужился до капитана артиллерии. Арестован в феврале 1945 года за то, что в письме с фронта критиковал сталинские потуги командовать в области языкознания, приговорен к 8 годам, которые отбывал в лагерях Казахстана.

Одно время работал, как математик, в Московской «шарашке» (описанной в «В кругу первом»). «Один день Ивана Денисовича» и «Олень и Шалашовка» описывают Казахский концлагерь. После него сослан пожизненно в Уш-Терек, откуда отправлен для лечения рака в Ташкент (Уш-Терек и Ташкент описаны в «Раковом корпусе»). Лишь после 20-го съезда реабилитирован и вернулся сначала в сельскую школу (жизнь в Рязанском селе описана в «Матренином дворе»). Потом преподавал в самой Рязани (см. «Для пользы дела»). Таким образом, его произведение отражает им пережитое, выстраданное...

Западные журналисты постарались повидать Солженицына и узнали, где его можно найти, чем подтвердили сведения, полученные мной от одного народного

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

О РАСШИФРОВКЕ *)

К вопросу, следует ли в свободном мире расшифровывать эзоповский язык советских писателей, или это для них опасно.

Я никому не навязываю своего мнения, но абсолютно и категорически придерживаюсь того мнения, что этот эзоповский язык нужно разбирать и расшифровывать.

Во-первых, я дам показания как свидетель: я только гордился, для меня было огромным удовольствием, когда моя книга «Продолжение легенды» вышла в антисоветском оформлении и с антисоветским уклоном.

Правда, когда мне предложили организовать целый процесс, я его организовал, о чем я и написал здесь в печати. Это уже все относится к области существования человека в этом «орвелловском» мире.

Но я говорю сейчас о глубинах сознания и о глубинах совести. И если начистоту спросить любого из известных мне писателей, моих друзей, то все они безусловно, как и я, будут только горды тем, что их «эзоповщина» расшифрована.

Там сейчас же кричат: «Вот видите,

*) Мы воспроизводим чрезвычайно интересный отрывок из дискуссионных высказываний бывшего подсоветского писателя Анатолия Кузнецова, имевших место на симпозиуме посвященном советской цензуре в январе с. г., в Лондоне.

Русская государственность, как и русский национализм всегда носила космополитический характер. Дружина Олега включала в себя варягов, славян, татар и даже евреев. Императорскими министрами были поляки, немцы, татары, армяне и даже греки.

Иван СОЛОНЕВИЧ

монархиста, сообщенные ему приезжавшим с родины земляком. Прописанный в Рязани, Александр Солженицын постоянно приезжает в Москву (теперь могу это поведать читателям, ибо об этом написала западная печать) и останавливается в Жуковке на даче знаменитого виолончелиста, лауреата Сталинской и Ленинской премий Мстислава Ростроповича. В выстроенном при даче в саду гараже отгорожена деревянной перегородкой часть и там работает великий писатель земли русской над своим новым романом «Август», в котором описывает переживания русских в августе 1914 года.

Там его посетили четыре журналиста: швед, американец и два итальянца. Прислуга виолончелиста, сказав, что Ростропович уехал «в город» (Москву), повела их в гараж к Александру Исаевичу; на стук он открыл дверь и ответил, что не дает интервью и никого в чужом доме без ведома хозяина не принимает.

Когда читатели прочтут эти строки, они наверно уже будут осведомлены из иностранной печати о решении советского правительства и отношении к нему Солженицына. Десятого декабря король вручит премии лауреатам 1970 года, а на другой день писатель отпра-

вы дали пищу этому отребью», а мы отвечаем: «А какое нам дело до отребья? Вы же сами говорите «отребье», ну и хорошо, пусть себе это отребье говорит, не можем же мы со всяким отребьем считаться», а про себя думаем — а как хорошо, что это «отребье» нас поняло. Значит, мы все-таки что-то сумели донести.

Я был здесь просто потрясен: читаю, что какое-то издательство решило, «чтобы не повредить Солженицыну» не выпускать такого-то его романа. Во-первых, это не эффективно. Все равно он был выпущен. А во-вторых, это неправильно, тактически и стратегически совершенно неправильно. Если поэт даже в провинции пишет стихотворение, и в нем ему что-то такое удалось сказать, и это уже дошло до типографской машины и пошло, и пошло, продается в киосках, то какая это радость. Теперь пусть любое «отребье» разбирает, только бы разбирало!

Я объясню психологию автора. Я говорю, что мне неизвестны такие авторы, которые в глубине души не были бы довольны. Случаев столько же, сколько и людей, вероятно, есть и такие авторы, которые из каких-либо соображений передают просьбу, пожалуйста, не хвалите меня, а ругайте. И с этим надо считаться. Но я говорю о типичном отношении автора, и я хочу просто опять-таки в таком лирическом порядке сказать, что я потрясен именно вот этим, этой заботой. Да подождите, что вы обо мне забываетесь? Не забываетесь, ради Бога! Эта забота мне как раз мешает. Там, понимаете ли, «эзоповщиной» должен заниматься, там себе замок на губу вешаешь и себя замыкаешь! Там самоцензурой этой проклятой занимаешься! Так,

Господи, а вы тут тоже! А вы тут еще, в этом же ключе работаете! Вы, имеющие такие условия, когда вы можете все это, наконец, раскрыть! И если вы так делаете, то вы оказываете мне не услугу, наоборот, вы мне медвежьей услугой оказываете.

Я высказываю это как автор. Я был бы только доволен, если бы меня здесь побольше расшифровали. И когда я буду отбиваться, то буду знать, что я делаю, и за что отвечаю. Если опубликовал, то и держись, отвечай за это, и гордись тем, что тебя подхватили на Западе. Вот это есть борьба, это есть война.

Это одна сторона дела, чисто моральная. А есть и другая сторона, я бы ее назвал, так сказать, практической. Слушайте, не будьте вы наивными. Вы думаете, что если вы расшифровали какое-либо великолепное стихотворение новосибирского поэта, то написали нечто вроде доноса на него туда, в Россию, и вы боитесь, как бы ему это не повредило. Не беспокойтесь, вы не напишете доноса лучше того, который поступил после выхода в свет этого произведения. Вы недооцениваете института качества в советской России. Это такая великолепная штука. Люди просто там из кожи вон лезут. Боже ты мой, с каким удовольствием тульская писательница Барыгина после выхода в свет «Матренина двора» бегала и всем, также и в обкоме, кричала, что это «клевета» на советскую деревню, как, мол, это пропустили, как напечатали? Она это громко говорила. А сколько негромких бегут сейчас с журналом под мышкой: «Смотрите, смотрите, что случилось!» Не бойтесь, они его уже сто раз взяли на заметку, пока дойдет ваша статья. Он

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ
В воскресенье 15-го ноября 1970 года в Центре Русских Белых
(Carlos Calvo 2851)
состоится

БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ

при участии аргентинцев — друзей Национальной России. Центр Русских Белых приглашает русских людей посетить Собрание и этим присоединиться к протесту против антинародной и безбожной коммунистической партии, насильно захватившей власть в России.

Начало в 17 часов. Вход свободный.

Общезвестно, что организуемые Центром Русских Белых собрания отмечает аргентинская печать. Поэтому особенно важно, чтобы собрание, посвященное нашей непримиримости к коммунизму было многолюдным. Российское Народное-Монархическое Движение призывает русских людей оставить в стороне второстепенные разногласия (перед лицом коммунизма все наши разногласия второстепенны) и не только присутствовать на этом собрании, но и привлечь на него наибольшее количество аргентинцев.

Зарубежная Жизнь

КОЛОКОЛА В ХРАМЕ-ПАМЯТНИКЕ В БРЮССЕЛЕ

Строительный Комитет Храма-Памятника в Брюсселе приступил к сооружению недостающих при Храме колоколов.

Архитектор-художник Н. И. Исцеленнов, советник Строительного комитета и знаток русского колокольного звона, позаботился о правильности подбора и точности предвиденных шести колоколов.

Это великое начинание является завершением дела об увековечении памяти Царственных убиенных Мучеников: Государя Императора Николая Александровича, Его Августейшей Семьи и всех в российской смуте убиенных.

Особенно необходимо срочно завершить это дело, так как уже мало осталось в живых людей, знающих церковный российский звон. Восстановленные частично в Советском Союзе колокольные звоны уже не те, что улаждали слух благодетельной нашей Родины. Нет уже тех колоколов, с их «малиновым звоном» и нет уже звонарей, знатоков церковной музыки и церковной мелодии.

Строительному комитету представилась возможность приобрести колокола, а также возможность запечатлеть ими старый русский наш православный звон, благодаря наличию еще живущих среди нас знатоков этого музыкального дела.

Приступая к осуществлению этого начинания, Комитет обращается ко всем Русским Православным людям за рубежом с просьбой — поддержать посылку их пожертвованиями эту историческую задачу.

Имена жертвователей останутся в архивах Храма-Памятника для молитвенного воспоминания, а имена пожертвовавших сумму, превышающую двести (200) долларов до 1-го декабря 1970 г., будут увековечены на колоколах.

Денежные переводы надлежит направлять по адресу:

Société Générale de Banque. B-1000 — Bruxelles

Pour Compte No. 73.818

“Paroisse Orthodoxe Russe de St-Job”, A.S.B.L.

За Строительный комитет Н. Н. Zubov

Брюссель, Октябрь 1970 г.

По поводу исполняющегося в этом году 50-летия существования за рубежом русских учебных заведений объединения бывших воспитанников институтов, гимназий и кадетских корпусов из Югославии доводят до сведения своих членов и всех бывших воспитанников, что в

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6-го ДЕКАБРЯ 1970 г.

после Божественной литургии в храме Св. Троицы (Brasil 315, Capital) будет отслужен

МОЛЕБЕН С ПОМИНОВЕНИЕМ УСОПШИХ.

После молебна в прицерковном зале состоится СОБРАНИЕ с рядом докладов, посвященных этому торжеству и затем

ОБЩАЯ ТРАПЕЗА.

Необходимые справки — у председателей соответствующих объединений.

СОЛЖЕНИЦЫН И ВЛАСОВ

Английский литератор Николас Бетел знает русский язык и перевел на английский книги А. И. Солженицына. В начале этого года он побывал в СССР и посетил советского коммунистического писателя Александра Чаковского, который сказал гостю:

— Роман «В круге первом» — очень слабая книга. «Раковый корпус» нуждается в поправках. Пьеса «Пир победителей»? Мне эту пьесу дали прочитать в 1966 году. Это — гадкая вещь! Прочитав ее, я пришел к заключению, что Солженицын — не советский человек и я не вижу резона менять это мнение. ... Пусть за границей напечатают эту пьесу! Пусть все увидят, что это за человек, который клеветает на свою страну и защищает изменников родины!

— Вы хотите сказать, что вам хотелось бы, чтобы пьеса «Пир победителей» была опубликована за рубежом? — спросил Николас Бетел Чаковского.

— Я этого не сказал, — быстро ответил Чаковский.

«Было ясно, однако, — замечает Николас Бетел, — что некоторые советские чиновники именно этого и добиваются, чтобы использовать это, как новую дубинку, которой можно было бы бить Солженицына». Дело в том, что пьеса «Пир победителей» была написана в 1949 году в заключении. В ней проводится параллель между Сталиным и Гитлером и сочувственно упоминается генерал А. А. Власов, организатор Русской Освободительной Армии. «Весьма возможно, — пишет Николас Бетел, — что несколько экземпляров рукописи этой пьесы были намеренно заброшены за границу агентами КГБ».

«Пришить антикоммунизм» не удастся... И сам Александр Солженицын не дает никакого повода для прямого обвинения в «антикоммунизме»: он знает, что «законно» и что «незаконно», и если он протестует против чего-то, то протестует, не нарушая закон, оставаясь в рамках закона. С другой стороны, Александра Солженицына, по мнению Николаса Бетела, ограждает его мировая слава.

† Волею Божией 26-го сентября 1970 г. скончался

УЧАСТНИК ПЕРВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

ПОРУЧИК

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ЗВЕРЕВ.

В 40-й день смерти, 4-го ноября, в 17 часов в храме Св. Ергогена (Quilmes) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем с прискорбием сообщают жена, сын, невестка и внука.

† В воскресенье, 8-го ноября, в 40-й день кончины

СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА МАКСИМОВА

после Божественной литургии в храме Св. Ергогена (Quilmes) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем сообщают Н. и Л. Суховерковы.

† В 40-й день кончины

ГЕОРГИЯ ФЕДОРОВИЧА БАШКИРОВА

8-го ноября с. г. в 11 час., после Божественной литургии в храме Св. Троицы (Brasil 315) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем извещают жена, родственники и друзья.

† Елена Михайловна Тюльпанова и Владимир Иванович Тюльпанов приносят глубокую благодарность всем, откликнувшимся на их горе и почтившим память их дорогого и незабвенного мужа и брата

ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА

БОРИСА ИВАНОВИЧА ТЮЛЬПАНОВА

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 117

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— Лев Леонидович! Вы простите мою нескромность, — косо тряхнул он головой. — Если я ошибаюсь — забудем. Вы... — он тоже снизил голос и одним глазом прищурился, — там, где вечно пляшут и поют — вы... не были?

Лев Леонидович оживился:

— Был.

— Да что вы! — обрадовался Костоготов. Вот когда они были в равных! — И по какой же статье?

— Я — не по статье. Я — вольный был.

— Ах, вольный! — разочаровался Костоготов.

Нет, равенства не выходило.

— А — почему вы угадали? — любопытствовал хирург.

— По одному словечку: «раскололся». Нет, кажется и «заначка» вы сказали. Лев Леонидович смеялся.

— И не отучишься.

Равные — не равные, но уже было у них гораздо больше единства, чем только что.

— И долго там были? — бесцеремонно спрашивал Костоготов. Он даже распрямился, даже не выглядел дохло.

— Да годика три. После армии направили — и не вырвешься.

Он мог бы этого не добавлять. Но — добавил. Вот служба! — почетная, благородная, но почему порядочные люди считают нужным оправдываться в ней? Где-то все-таки сидит в человеке неискоренимый индикатор.

— И — кем же?

— Начальником санчасти.

Ого! То же, что мадам Дубинская — господин жизни и смерти. Но та бы не оправдывалась. А этот — ушел.

— Так вы до войны успели мединститут кончить? — цеплялся Костоготов

новыми вопросами как репейник. Ему это и не нужно было, а просто пересыльная привычка: в несколько минут, от хлопка до хлопка дверной кормушки, обозреть целую жизнь прохожего человека. — Какого ж вы года?

— Нет, я после четвертого курса зауряд врачом пошел, добровольно — поднялся Лев Леонидович от своей недописанной бумаги, заинтересованно подошел к Олегу и пальцами стал прокатывать, прощупывать его шрам. — А это — о т т у д а?

— Ум-гм.

— Хорошо заделали... Хорошо. Заключенный врач делал?

— Ум-гм.

— Фамилию не помните? Не Коряков?

— Не знаю, на пересылке было. А Коряков — по какой статье сидел? — уже цеплялся Олег и к Корякову, спеша и его выяснить.

— Он сидел за то, что отец его был — полковник царской армии.

Но тут вошла сестра с японскими глазами и белой короной — звать Льва Леонидовича в перевязочную.

Костоготов ссутулился опять и побрел по коридору.

Еще одна биография — пунктиром. Даже две. А остальные можно довообразить. Как по-разному т у д а приходят... Нет, не это, вот что: лежишь в палате, идешь по коридору, гуляешь по садику — рядом с тобой, навстречу тебе человек как человек, и ни ему, ни тебе не приходит в голову остановить, сказать: «А ну-ка, лацкан отверни!». Так и есть, знак тайного ордена! — был, казался, содействовал, знает! И — сколько же их?! Но — немота одолевает всякого. И — ни о чем не догадываешься снаружи. Вот запрягано!

Дикость какая! — дожить до того, чтобы женщины казались помехой! Неужели человек может так насытиться? Представить этого нельзя.

А в общем — радоваться, выходит, нечему. Но отрицал Лев Леонидович так настойчиво, чтобы ему можно было поверить.

Как бы заменили Костоготову в ы ш к у на пожизненное.

Оставался он жить, только неизвестно — зачем.

И понять надо было, что потеряно — все.

Все...

Забыв, куда шел, он запнулся в нижнем коридоре и стоял бездельно.

А из какой-то двери — за три двери до него — показался беленький халатик, очень переуженный в поясе, такой сразу знакомый.

